

Наша гостиная

Знаешь юности. - Минск. - 1990. - 28 сент.

Признаюсь честно — я не любил песни Новикова. При всей своей красоте и разудалости мне не нравился модный сейчас «казачий» стиль блатной лирики и песен типа газмановского «Эскадрона». Мол, шапкой о землю, рубаху на груди вдрызг — и пошла кругом, вприсядку с притопом «русская душа». Что-то мешало поверить в истинность и неподдельность такой удали.

Поэтому, когда отправился по заданию редакции на стадион «Динамо», настроение у меня было весьма противоречивое. Ожидание увидеть на сцене зашкорузлого скандального мужика в ватнике и кирзачах навевало грустные мысли о достаточно массовом сегодня бескультурье и т. д. Каково же было мое удивление, когда не эстраду легко выбежал высокий, худощавый, интеллигентный человек в сером костюме! Он вежливо поприветствовал публику и... Это было настоящее волшебство, когда давно знакомые, даже заезженные, песни вдруг наполнились новым, теплым, душевным звучанием. А когда все тот же человек на следующее утро пригласил к себе в номер на небольшую пресс-конференцию, мне стало просто стыдно за собственные вчерашние мысли. Смею утверждать, что Александр Новиков — человек высокой культуры и пытливого, острого и доброго ума. Впрочем, судите сами...

— ОТЕЦ МОЙ — военный летчик, мать закончила Симферопольский сельскохозяйственный институт. Они разошлись, когда я был еще ребенком. Музыкой увлекся классе в восьмом и стал спеш-

«Улица Восточная» (тот, что известен больше, как «Вези меня, извозчик»). Причем писали почти на ходу. То есть, вечером после записи очередной песни я приходил домой и знал, что завтра на

Ну вот, освободился я в этом году и теперь работаю, стараюсь наверстать упущенное. По выходе на свободу очень быстро (за 22 дня) записал новый, четвертый, свой альбом «Ожерелье Магадана». Записал пока в гитарном варианте, ансамблевый сделаю позже. Работаю, как уже говорил, с бывшими «Слайдами», которые в мое отсутствие назвали «Внуками Энгельса». Пишу пятый альбом, хочу сделать совместный диск с Шафутинским. И главное — уже создал и теперь расширяю свой театр песни в Свердловске. Здание проектируется, место для стройки нашли, а административная группа и несколько творческих коллективов уже работают. Кстати, ребята-мимы, которые вели мой концерт в Минске, тоже из этого театра. В будущем планируем строительство вести не за свой счет, а заручиться помощью спонсоров, советских и зарубежных, открыть в здании театра их офисы. Будем заниматься концертами, коммерцией, поддержкой молодых артистов. Я хочу, чтобы мой театр не стоял безлюдной глыбой — монументом А. Новикову, как стоят сейчас многие огромные роскошные и очень дорогие для аренды ДК, а был бы настоящим неформальным центром культуры на Урале.

— Спасибо за столь подробный и обстоятельный рассказ. Скажите, Александр, а кто герой ваших песен!

— В целом это нормальный, если можно его так назвать, человек из СССР. Я «кусаю» «светлое будущее» глазами разных героев и персонажей и заставляю таким образом многих людей посмотреть на нашу жизнь. Среди моих героев есть и честные граждане, и выродки, и просто отбросы общества. Я считаю, что более художественно описывать в песнях мир с чьей-то точки зрения, чем

Александр НОВИКОВ:

«КАК ТЯЖЕЛО ДОБИТЬСЯ ПРАВДЫ...»

но осваивать гитару «под Высоцкого». Играть более-менее прилично научился довольно быстро. Жили мы тогда во Фрунзе.

В 1969 году семья переехала в Свердловск (кстати, сам Александр употребляет оба названия города — Свердловск и Екатеринбург); где я окончил школу и поступил в Уральский политехнический институт. Кстати, как поступал — это отдельная история. Дело в том, что я упорно не желал и до сих пор отказываюсь «участвовать в коммунистическом строительстве». И, разумеется, в свое время не был комсомольцем. Так вот, со мной уже после сдачи всех экзаменов беседовала специальная комиссия из представителей ректората, деканата и комитета комсомола — сначала упрасивала, а затем просто приказала вступить в ВЛКСМ, угрожая не принять на учебу. Ничего у них, конечно, не вышло. Побоялись, видимо, затевать дело, потому что у меня и в аттестате и на экзаменах был полный порядок.

В институт я поступил не ради специальности, а только потому, что там можно было свободно заниматься музыкой. В то время большинство ансамблей, даже известных, имело базу в вузах. А учитывая тогдашний уровень студенческой самостоятельности и сатиры, со сцены можно было говорить и петь весьма смелые вещи. Сочинять стишки и песни, кстати, в основном сатирические, я начал класса с третьего. Но ни в школе, ни в институте на сцену не лез — понимал, что бесполезно и ничего путного не выйдет.

В УПИ я проучился три с половиной года и был отчислен. Ну, как обычно, задолженности, конфликты с начальством... Если честно, на учебу мало внимания обращал. В общем, перевелся я в горный институт, где делал примерно то же. В горном долге не задержался. Вскоре после этого я женился и, чтобы побольше зарабатывать, устроился музыкантом в ресторан. Помимо неплохих денег, за те три года получил еще и очень приличное творческое развитие: играешь каждый день, всегда что-то новое, постоянно подбираешь вещи на слух и т. п. Но долго так продолжаться не могло, и где-то в 78-м году я почувствовал, что в тупике. Ресторан пришлось оставить, а поскольку в звукоаппаратуре к этому времени я уже прекрасно разбирался — выход был один. Я стал «клепать аппараты», из-за которых (по официальной версии) потом и получил срок. На деле все было по-другому, но об этом позже.

Делал я эту технику не один. В Свердловске было человек тридцать мастеров (а посадили меня одного!), которые сдавали готовые системы в комиссионки. А там (стоила такая штукавина недешево) их покупали в основном организации по безналичному расчету. Делал я аппаратуру и для себя — уже в 82-м году познакомился с группой «Слайды», с которой, но уже под названием «Внуки Энгельса», выступаю и в Минске. За короткий срок мы накопили хорошую материальную базу и уже через год записали первый свой альбом «Рок-полигон» в стиле «хард» с очень жесткими и злободневными текстами. Репетировали мы тогда в ДК «Уралмаш» и даже несколько раз сыграли свою программу на концертах, которые устраивал... горком комсомола. (Видя мое недоумение, Александр объясняет)... Выбирали большую дачу или маленькую базу отдыха подальше от города и устраивали там рок-сейшны, где на сцене были рокеры, а в зале — комсомольские функционеры и прочие идеологи. Ну, а после концерта непременно шла дискуссия о том, что такое рок, не опасен ли он, и про всякое другое. Я думаю, что аппаратчикам наша музыка просто нравилась, и они попросту желали ее послушать. Но роль рок был под запретом, то каждый раз концерт дополняли идеологическим разгромом».

Фанаты про такие сейшны, конечно, узнавали. И на электричках или попутках добирались до места, пытались в зал пролезть. Само собой, ничего не выходило, там же везде милиция. До драк дело доходило...

Хотя работали мы усердно и со временем на раздумья было негусто, внутри все же жила мысль, что идя не в этом направлении. Вот именно сюда и начинаются мои мытарства.

Буквально в первые дни 1984 года попала ко мне кассета Розенбаума с его одесским басом. Я возмущался и говорил, что мне нужно. И меньше чем за два месяца мы записали новый альбом

репетиции делать будет нечего. Садился на кухню, и к утру текст и музыка были готовы. День-два уходило на инструментовку и аранжировку, затем запись — и все повторялось сначала. Из четырех моих альбомов этот — любимый, и я считаю, что в Союзе другого такого пока еще нет. Розенбаум работает в ином ключе, Токарев и другие — чужие. Для меня удивительно, что эти старые уже песни (им по шесть лет) до сих пор популярны. Очень хочу попробовать написать еще один такой же альбом.

Когда работа над «Улицей Восточной» была закончена, я прослушал ее целиком и понял, что если она разоидется тиражом по Союзу, то мне это дорого будет стоить. То же самое говорил и мой приятель, занимавшийся тиражированием. С мая по сентябрь, это очень короткий срок, альбом разошелся по Союзу. А в октябре меня уже судили...

Почти все лето 84-го года я прожил в гнуснейшей обстановке. Меня обложили со всех сторон, телефон прослушивали, все письма вскрывали, следили. Хорошо хоть семью не трогали. Сначала стали раскручивать дело за «действия, порочащие социалистический строй». Потом одумались: зачем им нужен политзаключенный? Но свидетельские показания в деле оставили. Среди всех бумаг оставили и акт с заключением о моих песнях, где на них вылит не один ушат грязи. Подписали его многие именитые советские поэты, председателем этой комиссии был композитор Радыгин (автор песни «Ой, рябина кудрявая...»).

Словом, дело изменили. Стали заново опрашивать свидетелей и добиваться признания в моем мошенничестве: onde, помещая аппаратуру в магазины, выдавал ее за фирменную, греб деньги и обманывал государство. Кстати, большинство свидетелей отвергло такую версию. Но пару человек под нажимом сдались. И получил я «за хищение государственного имущества в особо крупных размерах», а по правде — за свои песни, десять лет. Двум моим поделникам — Богданову и Собинову — дали по девять. Я, кстати, уже начал кампанию по их освобождению, и в конце сентября обоим назначен пересмотр дел. Самого меня освободили благодаря мощнейшему общественному движению и особенно стараниям благородного человека, журналиста из «Комсомольской правды» Леонида Никитинского. Я крайне признателен ему и всем помогавшим мне людям.

Семья моя, к счастью, не пострадала. Во всяк пресса... Все центральные и большинство республиканских газет регулярно прохаживались в мой адрес далеко не лучшими выражениями. Так продолжалось два года. Потом все поутихло, но отдельные статьи появлялись вплоть до нынешнего года. Надо сказать, что каждая публикация была и по мне, причем в прямом смысле. Лагерное начальство, стремясь отпароваться, постоянно держало меня на самых тяжелых работах, месяцами в изоляторе с полчищами вшей и клопов. Меня лишили посещений клуба и библиотеки, запретили прикасаться к гитаре, а магнитофоны (чтоб, не дай Бог, ничего не записал) отобрали не только у заключенных, но даже у солдат из батальона охраны. Только работа, изолятор и снова работа. Гони план — остальное никого не волнует.

Вообще наша система ИТУ — это жуткое гнилое болото. Она направлена не на исправление, а на истребление человека. Особенно невыносимо в лесных лагерях. Представьте, что вокруг тайга километров на 50 и ни одного человека. Даже работники лагеря опускаются до свинского положения, что уж о заключенных говорить. Оттого и пьянство дикое, повальное, причем пьют все, что может гореть. Отсюда и поножовщина, и страшное варварство. Со времен ГУЛАГа в этой системе ничего не изменилось.

Вот в таких условиях я жил до 88-го года. Постепенно от меня отстали, стали разрешать гораздо больше. Сам начальник лагеря гитару принес. Но все равно система не изменилась и бьет по многим из тех, кто в нее попал. Кстати, когда фразу насчет ГУЛАГа я произнес в программе «Взгляд», то стали давить на моего поделника Богданова: «Пусть Новиков замолчит, иначе тебе будет хуже». Я узнал об этом и смог принять серьезные меры — лагерным начальством занялся их начальники. Вообще ко мне сейчас обращаются очень многие люди с такими же проблемами. Всем, кому я могу помочь, обязательно помогаю.

просто кричать, как было плохо и как будет хорошо.

— Кто ваш зритель? Каким вы хотите его видеть?

— Довольным. Если человек уходит с моего концерта довольным, то я рад. Я уважаю зрителя и потому всегда работаю «живьем». Презираю фонограммы, считаю их оскорблением и надутельством. Стараюсь работать честно и хочу такого же отношения к себе.

— Довольны ли вы своей работой?

— Да. И все делаю для этого.

— Кроме музыкальной, занимаетесь ли настоящей политикой? Участвуете в каких-либо благотворительных движениях?

— Я борюсь против нынешней системы ИТУ и помогаю попавшим в нее. Политикой впрямую не занимаюсь, но все свои песни считаю глубоко политическими. Я не верю в перестройку человека — мерзавец останется мерзавцем где угодно...

— Вы — антисоветчик?

— Нет (улыбается). И даже не антикоммунист. Мне просто противны барские замашки чиновников и то состояние, в которое они привели страну. Я — антирежимник, так, наверное...

— Как вы воспринимаете другие музыкальные стили?

— Люблю рок. Сам с него начинал, поэтому люблю и знаю. Нравятся «Пинк Флойд», «Битлз», из советских — «Машина времени» и Макаревич. И, пожалуй, Шевчук в социальном плане. «Ласковый май», «Фристайл» и им подобные — это вообще издевательство, рудименты от искусства, о них и говорить нечего. Непонятна мне популярность Кинчева и К⁰. Они неплохо чувствуют основную струю популярности, но ничего нового не привносят. Я думаю, это лишь всплески, и их скоро забудут. Не люблю «Аквариум», потому что они претендуют на элитарность, заоблачную недостижимость. Этикие графоманы от музыки. Думаю, что их популярность раздута официальной прессой ради отвлечения людей от насущных дел. Люблю тяжелый рок, но только оригинальные, западные образцы. Наши команды, увы, вторичны. Бардов люблю — на Высоцком и Галиче я вырос. Из современников очень нравится Шнитке. Люблю русских классиков — Чайковского, Рахманинова.

— Кто вы больше — поэт, музыкант?

— Не знаю. Наверное, песня — как живой организм, и нельзя разлучать текст и музыку. А я пишу именно песни. Пишу только сам, никого не подпускаю. Лишь когда песня готова, отдаю ее на аранжировку. И, кстати, далеко не все, что сочиняю, выношу на эстраду.

(Зрители на концерте были на редкость единодушны. На вопрос: «За что вы любите песни Новикова?» — ответ был всегда один: «За правду».)

— Скажите, Александр, есть ли у вас партнеры за рубежом?

— Пока нет. С Шафутинским насчет совместной пластинки мы только договорились, и, видимо, в январе я еду в США заключать контракт. Основная работа по записи пройдет, очевидно, на «Мелодии», а в Штатах будем делать более тонкую — сводить, подчищать и т. д.

— Уезжать насовсем не собираетесь?

— Нет, конечно. Там я стану обычным куплетистом, потеряю корни и все творчество.

— Как вы относитесь к своей популярности?

— Она мне помогает. Известному человеку легче убедить донести какую-то мысль до других. Больше того, я хочу быть популярным, ибо так быстрее достигаю своих целей. А звездные болезни мне не грозят — я ими давно переболел и, надеюсь, достаточно самокритичен.

— Раз уж зашла речь, то вам нравится и не нравится в себе?

— Наверное, хорошо, что я — прямой, целеустремленный и твердый, что «не как все». А не нравится вспылчивость, неустойчивость. Еще — совсем не умею отдыхать, сидеть без дела!

— И последний вопрос. Ваш идеал мужчин и женщин.

— Ну, идеал... Слишком громко сказано. Так, отдельные черты. Мужчина должен быть сильным телом, духом, волей и великодушным. А женщина — женственной. Пусть даже некрасивой, но именно женственной. В этом и будет ее загадка.

Беседовал
Макс ИВАШИН.